

К. В. Карпинский

Конфликтный смысл жизни как фактор личностного кризиса

В статье теоретически обоснована и эмпирически доказана гипотеза о том, что внутриличностный конфликт ценностей-источников смысла жизни обуславливает переживание личностью смысложизненного кризиса.

Ключевые слова: смысл жизни, ценности, источники смысла жизни, конфликтный смысл жизни, смысложизненный кризис.

K. V. Karpinsky

A Conflict Meaning of Life as a Factor of a Personal Crisis

The article provides theoretical argumentation and empirical evidence of the hypothesis that the intrapersonal conflict between values considered by a person as sources of meaning in life evokes a psychological crisis.

Key words: the meaning of life, values, sources of meaning in life, a conflict meaning of life, a life meaning crisis.

В современной психологии актуальной проблемой является изучение механизмов и закономерностей поиска, обретения и реализации личностью смысла жизни, а также его дифференциальных свойств и возрастных особенностей. Перспективной линией в разработке этой проблематики выступает психологический анализ феноменологии, механизмов и закономерностей *смысложизненного кризиса в развитии личности*. С самых общих позиций этот кризис понимается как длящееся состояние, которое обусловлено неразрешимыми или неразрешенными противоречиями в поиске и практической реализации смысла индивидуальной жизни. Он характеризуется специфической феноменологией, является источником деформаций личности как субъекта жизни и дисрегуляции ее повседневной жизнедеятельности [1]. Систематизация сложившихся представлений о путях и факторах возникновения смысложизненного кризиса позволяет выделить 3 его этиологические формы: 1) *кризис бессмысленности*, который наступает из-за отсутствия смысла в жизни и невозможности его отыскать; 2) *кризис смыслоутраты*, который порождается потерей смысла жизни в критической ситуации и невозможностью его восстановить; 3) *кризис неоптимального смысла жизни*, который возникает вследствие принятия и попыток осуществления личностью неоптимального по своим содержательным и струк-

турно-функциональным параметрам смысла жизни [2].

На протяжении ряда лет нами проводится цикл теоретико-эмпирических исследований, направленных на раскрытие закономерностей возникновения и протекания кризисов неоптимального смысла жизни. В ходе этих исследований выявлены различные его виды в том числе бездуховный, нереалистический, дезинтегрированный, неконгруэнтный смысл жизни, каждый из которых обнаруживает высокую кризисогенность в развитии личности. Цель настоящего исследования – теоретически проанализировать еще одну психологическую разновидность, именуемую «конфликтный смысл жизни», и эмпирически изучить ее взаимосвязь с переживанием личностью смысложизненного кризиса.

С общепсихологических позиций конфликтный смысл может быть определен как смысл объекта действительности или человеческого действия, проистекающий от 2-х и более мотивов, синхронная реализация которых существенно затруднена или практически невозможна. Эти смыслообразующие мотивы, как правило, являются разнонаправленными, в силу чего приближение к одному из них приводит к удалению от остальных актуальных в этот период времени мотивов. В их свете осмысливаемый объект или действие представляет собой условие, способствующее достижению од-

ного и препятствующее достижению другого мотива [3].

Конфликтность может быть также присуща смысловому отношению личности к собственной жизни в целом. Смысл жизни формируется и функционирует как динамическая система личностных ценностей и производных от них разноуровневых смысловых структур, в единстве обеспечивающих смысловую регуляцию индивидуальной жизнедеятельности. Это значит, что обычно он образован некоторым множеством ценностей, отношения между которыми носят динамический характер. В этом случае имеются в виду те объективные отношения, которые устанавливаются между ценностями в плоскости их практической реализации личностью. Каждая отдельная ценность может содействовать или противодействовать реализации другой ценности и в этом плане фигурировать по отношению к ней как стимул или преграда. Ценности, составляющие индивидуальный смысл жизни, далеко не всегда объединены в гармоничную и непротиворечивую композицию, в которой каждая отдельная ценность содержательно дополняет и усиливает остальные. Бывает, что ценности, являющиеся компонентами смысла жизни конкретной личности, содержательно разобщены и конфликтуют друг с другом. Как правило, с увеличением количества ценностей, из которых личность черпает смысл своей жизни, возрастает содержательная неоднородность этого смысла и вероятность того, что отдельные ценности будут конфликтовать и конкурировать между собой за право быть воплощенными в жизнь.

Таким образом, *конфликтный смысл жизни* – это вид функционально неоптимального смысла жизни, в структуре которого представлены содержательно несовместимые, разнонаправленные ценности. Осуществление одной из них объективно ущемляет и ограничивает возможности реализации других, что снижает общую продуктивность самореализации личности и переживается ею в форме смысложизненного конфликта. Если личность своевременно не находит конструктивных способов преодоления противоречий, которыми отягощен конфликтный смысл жизни, они умножаются, обостряются и, в конечном итоге, манифестируют в еще более деструктивной и субъективно болезненной форме смысложизненного кризиса.

На основании вышеизложенного была сформулирована общая гипотеза исследования: *конфликтный смысл жизни, будучи разновидностью неоптимального смысла жизни, обуславливает переживание личностью смысложизненного кризиса*. Приступая к ее эмпирической верификации, мы учитывали, что психологическое исследование конфликтного смысла жизни может иметь номотетическую и идеографическую направленность. В первом случае оно должно выявлять типичные варианты конфликтного смысла жизни, в основе которых лежат универсальные ценностные оппозиции, складывающиеся в результате накопления и генерализации опыта многочисленных человеческих судеб в разных исторических и социокультурных контекстах. Во втором случае оно призвано раскрывать смысложизненные конфликты, отличающиеся высокой степенью индивидуализации и производные от взаимодействия уникального смысла жизни с неповторимыми биографическими обстоятельствами. Настоящее исследование было выдержано в рамках номотетического подхода и, соответственно, преследовало цель изучения «универсалий» конфликтного смысла жизни и их вклада в зарождение и развитие смысложизненного кризиса.

Адекватной теоретической и операциональной моделью для выявления номотетических аспектов смысложизненного конфликта является концепция базовых человеческих ценностей Ш. Шварца. Не вдаваясь в подробный обзор, укажем лишь те преимущества, которые позволяют опереться на эту концепцию в настоящем исследовании. Во-первых, она содержит универсальную (транскультурную) типологию базовых и обобщенных ценностей, которые рассматриваются в качестве источников смысла человеческой жизни. Как пишет Ш. Шварц, «когда мы задаем себе вопрос о наших ценностях, мы задумываемся о том, что для нас важно в жизни» [4, с. 931]. Во-вторых, она описывает динамическое взаимодействие ценностей, которое может быть конгруэнтным либо конфликтным. «Настойчивое преследование каждого типа ценностей может совмещаться или конфликтовать с реализацией других ценностей», – указывает Ш. Шварц [5, с. 23]. Конфликтное взаимодействие прослеживается в оппозициях обобщенных ценностей «самовозвышение – самотрансценденция» и «консерватизм – открытость изменениям». В-

третьих, она предлагает валидные инструменты эмпирического изучения типов ценностей и их конфликтов. В свете положений концепции Ш. Шварца общая гипотеза исследования была уточнена следующим образом: *внутриличностные конфликты ценностей «самовозвышение – самотрансценденция» и «консерватизм – открытость изменениям» обуславливают переживание личностью кризиса смысла жизни.* Учитывая кросскультурную устойчивость содержания ценностей, мы также предположили, что *обусловленность смысложизненного кризиса этими ценностными конфликтами инвариантно проявляется в разных социокультурных контекстах.* В целях эмпирической проверки выдвинутых гипотез формировалась би-

культурная выборка численностью 542 человека, насчитывающая 314 граждан Республики Беларусь и 228 граждан Республики Польша. В качестве методов сбора эмпирического материала применялись: 1) «Опросник смысложизненного кризиса» К. В. Карпинского в оригинальной редакции и в польскоязычной адаптации; 2) русскоязычная и польскоязычная версия опросника PVQ (Portrait Values Questionnaire) Ш. Шварца.

Результаты корреляционного анализа, проведенного на материалах объединенной белорусско-польской выборки, указывают на то, что различные типы ценностей по-разному связаны с переживанием личностью кризиса смысла жизни (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция смысложизненного кризиса с базовыми и обобщенными ценностями

	Ценности	Вся выборка	Белорусы	Поляки
Базовые	Конформизм	-0,05	-0,05	-0,08
	Традиция	-0,13**	-0,10 ^ψ	-0,17**
	Доброта	-0,30***	-0,28***	-0,30***
	Универсализм	-0,10*	-0,11*	-0,05
	Самостоятельность	-0,07 ^ψ	-0,11 ^ψ	-0,01
	Стимуляция	0,19***	0,15**	0,22***
	Гедонизм	0,35***	0,29***	0,38***
	Достижения	-0,07 ^ψ	-0,04	-0,11 ^ψ
	Власть	0,10**	0,13*	0,05
Безопасность	-0,07 ^ψ	-0,03	-0,15*	
Обобщенные	Открытость изменениям	0,28***	0,23***	0,31***
	Консерватизм	-0,12**	-0,09 ^ψ	-0,19**
	Самотрансценденция	-0,25***	-0,26***	-0,19**
	Самовозвышение	0,25***	0,25***	0,24***

^ψ $p < 0, 10$, * $p < 0, 05$, ** $p < 0, 01$, *** $p < 0, 001$

Все базовые ценности, за исключением конформизма, значимо коррелируют с выраженностью кризисной симптоматики. При этом ориентация личности на самовозвышение и открытость изменениям, а также на конституирующие их базовые ценности, сопряжена с выраженной предрасположенностью к кризису и интенсивным его протеканием. В то же время направленность личности на консерватизм, самотрансценденцию и образующие их базовые ценности связана с отсутствием кризиса или облегченными формами его течения. Чтобы из массива корреляций вычленил общую закономерность, необходимо обратиться к теоретическим представлениям о принципах динамической организации структуры ценностей. В концепции С. Шварца наряду с конгруэнтностью и

конфликтом обоснованы и другие принципы взаимодействия ценностей, в частности, зависимость их организации от отношения к индивидуальным и социальным интересам. С точки зрения этого принципа, ценности самовозвышения и открытости изменениям регулируют поведение, обслуживающее реализацию индивидуальных, частных интересов, а ценности консерватизма и самотрансценденции регулируют поведение, обеспечивающее соблюдение социальных, публичных интересов [4]. Если спроецировать этот принцип на результаты настоящего исследования, то можно вывести общую закономерность: *наступление и усиление смысложизненного кризиса связано с принятием и реализацией личностью ценностей, которые сфокусированы на индивидуальных инте-*

ресах; отсутствие и ослабление смысло-жизненного кризиса в развитии личности связано с принятием и осуществлением ценностей, которые сфокусированы на социальных интересах.

Этот вывод переключается с положениями ряда психологических концепций, утверждающих зависимость уровня осмысленности жизни от выбора личностью определенных ценностей в качестве источников смысла. К их числу можно отнести концепции: стиля и смысла жизни А. Адлера, метамотивации А. Маслоу, уровней организации смысловой сферы личности Б. С. Братуся и глубины смысла жизни Г. Рикера и П. Вонга. Авторы перечисленных концепций в унисон утверждают, что уровень осмысленности жизни прогрессивно возрастает по мере продвижения личности от эгоцентрических смыслов жизни, мотивирующих на достижение личного превосходства над другими людьми, к просоциальным и общечеловеческим смыслам жизни, побуждающим к заботе о благополучии социальной группы, общества, человечества или универсума в целом.

Следует отметить, что выделенная закономерность воспроизводится и в белорусской, и в польской выборке, где корреляционный анализ обнаруживает во многом одинаковые паттерны связей смысло-жизненного кризиса с базовыми и обобщенными ценностями. Вместе с тем, общие механизмы порождения, протекания и преодоления кризиса могут модифицироваться социокультурным контекстом, который очень избирательно поддерживает личность в присвоении и преследовании определенных смысло-жизненных ценностей [2]. Это прослеживается по различиям в силе корреляций между отдельными типами ценностей и остротой кризисного состояния в выборках белорусов и поляков. Так, для белорусов приверженность ценностям «самостоятельность» и «универсализм» имеет более выраженный антикризисный эффект в сопоставлении с поляками, а у последних такой эффект отчетливее просматривается по ценностям «достижения» и «безопасность». Кризисогенный эффект, связанный с высокой приемлемостью ценности «власть», сильнее проявляется в белорусской, чем в польской выборке. При помощи *t*-критерия Стьюдента найдены межнациональные различия в степени принятия базовых и обобщенных

ценностей, а также в силе переживания кризиса смысла жизни. Белорусы ($M=94,73$, $SD=20,31$) по сравнению с поляками ($M=89,81$, $SD=21,26$) острее испытывают кризисную симптоматику ($t=2,73$, $df=540$, $p=0,006$). Они в большей степени разделяют гедонистические ценности ($t=3,76$, $df=540$, $p=0,0001$), в то время как поляки превосходят белорусов по глубине принятия ценностей доброты ($t=-3,28$, $df=540$, $p=0,0001$) и универсализма ($t=-3,14$, $df=540$, $p=0,0001$). Отличия белорусской и польской выборок становятся еще заметнее при переходе на уровень обобщенных ценностей. У белорусов преобладают ценности самовозвышения ($t=3,76$, $df=540$, $p=0,0001$) и открытости изменениям ($t=3,76$, $df=540$, $p=0,0001$), а поляки сильнее ориентированы на самотрансцендентные ценности ($t=-4,08$, $df=540$, $p=0,00005$). Учитывая результаты корреляционного анализа и межгрупповых сравнений, можно заключить, что *ценностные приоритеты белорусов в большей степени способствуют возникновению и эскалации смысло-жизненного кризиса, чем ценностные предпочтения поляков.*

Основным методом статистической обработки данных послужил иерархический регрессионный анализ. Преимущество такого метода заключается в том, что он позволяет выявить и оценить прирост объяснимой дисперсии (ΔR^2) зависимой переменной, получаемый после введения в основную модель дополнительных независимых переменных. В настоящем исследовании для ценностных конфликтов «самовозвышение – самотрансценденция» и «консерватизм – открытость изменениям» проводились отдельные серии анализа. В каждой серии строились 2 регрессионные модели: модель 1 в качестве предикторов включала ценности как таковые и предполагала изучение их главных эффектов; в модели 2 к этому набору предикторов добавлялась переменная «конфликт», которая операционализировалась как интеракция противоположных ценностей. В качестве зависимой переменной в обеих моделях выступала интенсивность переживания смысло-жизненного кризиса, измеренная в баллах одноименного опросника. Сравнение количества объяснимой дисперсии в моделях 1 и 2 производилось при помощи инкрементного *F*-теста (табл. 2).

Таблица 2

Результаты иерархического регрессионного анализа

Самовозвышение (СВ) ↔ самотрансценденция (СТ)					Консерватизм (К) ↔ открытость изменениям (ОИ)				
Предикторы	Модель 1		Модель 2		Предикторы	Модель 1		Модель 2	
	β	t	β	t		β	t	β	t
Вся выборка (N=542)									
СВ	0,18	3,05**	0,07	1,17	К	0,02	0,39	-0,02	-0,48
СТ	-0,12	-1,92*	-0,11	-2,0*	ОИ	0,27	5,16***	0,37	5,84***
Конфликт СВ×СТ	–	–	0,16	3,03**	Конфликт К×ОИ	–	–	0,17	2,75**
Статистика модели	R=0,27, R ² =0,07, F (2,539)=21,74, p<0,00000		R=0,30, R ² =0,09, F (3,538)=17,78, p<0,00000		Статистика модели	R=0,26, R ² =0,07, F (2,539)=20,3, p<0,00000		R=0,29, R ² =0,83, F (3,538)=16,22, p<0,00000	
Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,02$, F (1, 538)=9,22, p=0,003				Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,13$, F (1, 538)=7,57, p=0,006			
Белорусы (N=314)									
СВ	0,17	2,27*	0,09	1,12	К	0,001	0,14	-0,03	-0,5
СТ	-0,11	-1,46	-0,13	-1,67	ОИ	0,23	3,33***	0,30	3,72***
Конфликт СВ×СТ	–	–	0,15	2,39*	Конфликт К×ОИ	–	–	0,14	1,67 ^У
Статистика модели	R=0,26, R ² =0,07, F (2,311)=12,15, p<0,00001		R=0,298, R ² =0,09, F (3,310)=10,13, p<0,000002		Статистика модели	R=0,23, R ² =0,053, F (2,311)=8,65, p<0,00022		R=0,25, R ² =0,061, F (3,310)=6,73, p<0,0002	
Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,02$, F (1, 310)=5,72, p=0,017				Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,008$, F (1,310)=2,8, p=0,095			
Поляки (N=228)									
СВ	0,19	2,1*	0,02	0,24	К	-0,00	-0,00	-0,02	-0,33
СТ	-0,07	-0,81	-0,05	-0,59	ОИ	0,29	3,38***	0,42	3,78***
Конфликт СВ×СТ	–	–	0,22	2,12*	Конфликт К×ОИ	–	–	0,19	1,86 ^У
Статистика модели	R=0,25, R ² =0,06, F (2,225)=7,53, p<0,00068		R=0,28, R ² =0,08, F (3,224)=6,6, p<0,0002		Статистика модели	R=0,29, R ² =0,08, F (2,225)=10,22, p<0,00006		R=0,31, R ² =0,094, F (3,224)=8,04, p<0,00004	
Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,02$, F (1, 224)=4,5, p=0,035				Инкрементный F-тест	$\Delta R^2=0,014$, F (1,224)=3,46, p=0,064			

^У p < 0, 10, * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Сначала проанализируем влияние конфликта ценностей «самовозвышение – самотрансценденция» на переживание личностью смыслового кризиса. Из таблицы видно, что модель 1, тестирующая изолированные влияния обобщенных ценностей на остроту кризисного состояния, оказалась статистически значимой для всей выборки, белорусской и польской подвыборок. Раздельным влиянием указанных ценностей обусловлено 6–7 % дисперсии зависимой переменной, причем самотрансцендентные ценности противодействуют развитию кризиса, а ценности самовозвышения – содействуют его наступлению. Модель 2, дополняющая набор предикторов ценностным конфликтом «самовозвышение – самотрансценденция», демонстрирует более высокие объяснительные и прогностические возможности по сравнению с моделью 1. Инкрементный F-тест регистрирует статистически значимую прибавку объяснимой дисперсии в пределах 2 %. Эта тенденция единообразно проявляется в совокупной выборке, в польской и белорус-

ской подвыборках, что говорит об кросскультурной устойчивости ценностного конфликта «самовозвышение – самотрансценденция» и его роли в порождении кризиса. Судя по значениям β -коэффициентов, в модели 2 ценностный конфликт оказался самым мощным предиктором смыслового кризиса в развитии личности, который перекрывает главные эффекты обобщенных ценностей. Отсюда напрашивается вывод о том, что в возникновении кризиса важна не столько степень принятия личностью ценностей самовозвышения и самотрансценденции, сколько характер соотношения и баланс этих ценностей в структуре индивидуального смысла жизни.

Несколько иначе дело обстоит с консерватизмом, открытостью изменениям и их конфликтом. На основании статистических параметров модели 1, можно констатировать, что приверженность белорусов и поляков ценностям открытости к изменениям повышает риск наступления смыслового кризиса в их личностном разви-

тии. Причем эта тенденция сохраняется и с переходом к модели 2, в которой кризисогенный эффект перечисленных ценностей становится еще более акцентированным. Ценностный конфликт «консерватизм – открытость изменениям» выступает значимым, но второстепенным предиктором кризиса смысла жизни. Он позволяет дополнительно объяснить от 1 до 2 % дисперсии зависимой переменной, что весьма существенно для всей выборки ($p=0,006$) и на уровне статистической тенденции ($0,05 < p < 0,10$) имеет смысл для белорусской и польской подвыборок. В целом в белорусской и польской подвыборках наблюдается одинаковый паттерн детерминации смыслового кризиса со стороны ценностей консерватизма, открытости изменениям и ценностного конфликта. Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что *предрасположенность личности к кризису в основном обусловлена высокой приемлемостью для нее таких ценностей как самостоятельность, стимуляция, гедонизм («открытость изменениям») безотносительно к глубине присвоения ценностей безопасности, конформности и традиции («консерватизм»)*. Ценности консерватизма приобретают кризисогенную функцию только тогда, когда они сходятся с ценностями открытости изменениям в структуре индивидуального смысла жизни.

Таким образом, результаты подтверждают исходное предположение о том, что ценностные оппозиции «самовозвышение – самотрансцен-

денция» и «консерватизм – открытость изменениям» порождают «универсалии» конфликтного смысла жизни и в связи с этим выступают предпосылками смыслового кризиса. Следует подчеркнуть, что эта закономерность, во-первых, обладает кросскультурной устойчивостью, во-вторых, конкретизирует общий тезис о кризисогенном влиянии неоптимального смысла жизни на развитие личности.

Библиографический список:

1. Карпинский, К. В. Смыслового кризиса в развитии личности как субъекта жизни [Текст] / К. В. Карпинский // Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева. – М. : Институт психологии РАН, 2009. – С. 186–199.
2. Карпинский, К. В. Социокультурная детерминация смыслового кризиса в развитии личности [Текст] / К. В. Карпинский // Психологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 33–41.
3. Столин, В. В. Самосознание личности [Текст] / В. В. Столин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 285 с.
4. Schwartz, S. H. Basic Human Values: Theory, Measurement, and Applications [Текст] / S. H. Schwartz // *Revue française de sociologie*. – 2006. – Vol. 47. – № 4. – P. 929–968.
5. Schwartz, S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? [Текст] / S. H. Schwartz // *Journal of Social Issues*. – 1994. – № 50. – P. 19–45.